

СОВРЕМЕННЫЕ КОНЦЕПЦИИ ЕСТЕСТВЕННОГО ПРАВА:
ОПЫТ XX СТОЛЕТИЯ

В период трансформационных процессов в сфере права и государства в Украине значительно возрос интерес к теории естественного права, которая иногда обозначается как юснатурализм (от лат. *jus naturale*). В то же время, терминологическая неоднозначность понятия «естественное (природное) право» приводит иногда к слишком буквальному толкованию его содержания как обусловленности права законами природы [3, с. 72-78] или как отрицание обязывающей силы неправового закона. Автору уже приходилось обращать внимание на общий смысл этой категории [4] и на содержание некоторых современных концепций естественного права интересубъективного направления [5; 6]. В данной статье будет предпринят общий анализ содержания основных западноевропейских (в широком смысле, включая и США) концепций естественного права для уяснения их места и роли в современном правовом мировоззрении.

В XX ст. в Европе и Америке наблюдается возрождение теории естественного права. В отличие от традиционной теории, разработчики новых концепций не стремятся дать законченную, абсолютно истинную систему идеальных правовых норм. Однако они разделяют представление о том, что право и мораль неразрывно связаны, а конечной целью права является справедливое общество. Любые теории естественного права акцентируют внимание на содержании юридических норм и конкретных решений. Они руководствуются положением, что право должно быть правильным по содержанию, а не только по форме, поэтому не всякие законодательные, судебные или административные решения, будучи формально корректными, содержат в себе право. Критерием такой правильности выступало и выступает естественное право как идеальный порядок отношений между людьми. При всем многообразии таких теорий их объединяет антипозитивистская и антитоталитарная направленность.

В развитии теорий естественного права в XX ст. можно выделить три этапа: а) неокантианский, или «возрожденного естественного права» (начало XX в.); б) религиозно-экзистенциалистский, ориентированный на критику нацистского права и обоснование нового гуманистического права (40-60-е годы); в) современный, представленный широким спектром теорий непозитивистской направленности (с 60-х годов).

Важнейшей методологической основой возрождения естественного права в начале XX в. было неокантианство. Неокантианская философия исходила из того, что сознание в соответствие со своей природой конструирует объект нашего познания. Видным ее представителем был профессор Университета Галле, а затем Берлинского университета Р. Штаммлер, основные идеи которого были изложены в трудах «Хозяйство и право с точки зрения материалистического понимания истории» (1896 г.), «Учение о правильном праве» (1902 г.), «Сущность и задачи права и правоведения» (1908 г.). Право он рассматривал как форму социальной жизни. Однако, в отличие от теоретиков марксизма, он считал, что не экономические отношения определяют правовую форму, а правовая форма выступает определяющим фактором общественного развития [9, с. 105]. Отказавшись от классического понимания естественного права как постоянного и неизменного, раз и навсегда данного разумом перечня прирожденных прав, ученый поставил вопрос о его возрождении, естественного права, введя в оборот формулу «естественного права с изменяющимся содержанием». Признавая исторически изменчивые условия жизни человека и его потребности, он усматривал сущность справедливого (естественного) права в его соответствии социальному идеалу, который он видел в идее человеческого общения. Общение людей, способных к выражению своей воли как свободных существ («общество свободно хотящих людей»), и есть конечная цель социальной жизни. Естественным универсальным основанием права у Р. Штаммлера была идея формальной справедливости, основными принципами которой он называл принцип уважения и принцип участия. Ученый не считал, что несправедливое право является юридически недействительным, но подчеркивал, что «в постоянно увеличивающемся и более верном проявлении справедливого права и заключается социальный прогресс» [10, с. 117]. Идеал справедливого права, выступающий в роли аналога права естественного, понимался им как некая «путеводная звезда», на которую должно равняться исторически изменчивое и не всегда справедливое позитивное право.

Значительный вклад в возрождение идеи естественного права внес известный французский философ и общественный деятель Ж. Маритен. В своих основных трудах «Интегральный гуманизм» (1934 г.), «Права человека и естественный закон» (1942 г.), «Человек и государство» (1951 г.) он, как представитель официальной доктрины католической церкви – неотомизма, развивал учение Фомы Аквинского о естественном праве применительно к общественной ситуации середины XX в. Его идеи нашли отражение во Всеобщей декларации прав человека 1948 г., в подготовке которой философ принимал непосредственное участие.

Высшим источником и первопричиной естественного права Ж. Маритен считал Бога. В онтологическом аспекте естественное право, как неписанный закон и воплощение божественной мудрости и справедливости, – это нормальное состояние функционирования человека, основанное на его сущности (природе), идеальный порядок человеческих действий, который относится к моральной сфере. «*Естественное право* имеет дело с правами и обязанностями, которые *необходимым образом* связаны с первым принципом: “Делай добро и избегай зла”» [7, с. 85]. Этому порядку должно соответствовать позитивное право и его применение на практике. При этом, выделяя гносеологический аспект естественного права, Ж. Маритен подчеркивал, что человеческий разум познает естественное право не посредством понятий и логических выводов. Познание естественного права – это «познание через склонность», т. е. интуитивное познание, «когда интеллект, чтобы вынести суждение, прислушивается к внутренней мелодии, которую создают в субъекте вибрирующие струны вечных устремлений» [7, с. 88, 89]. Между естественным и позитивным правом находится право народов, или общий закон цивилизации, познанный рационально. Права человека коренятся в естественном законе как выражение внутренней ценности и достоинства человека.

Говоря о неотчуждаемом характере человеческих прав, философ, тем не менее, проводил разграничение между обладани-

те Україна також підписала Конвенцію Ради Європи про корупцію в контексті цивільного права (1999 р.), в якій цей вид злочину визначено як пряме чи опосередковане вимагання, пропонування, дача або одержання хабара чи будь-якої іншої неправомірної вигоди або можливості її отримання, які порушують належне виконання будь-якого обов'язку особою, яка отримує хабара, неправомірну вигоду чи можливість мати її, або поведінка такої особи. Підписана Україною Конвенція про корупцію в контексті кримінального права (1999 р.) хоча й не містить цілісного визначення досліджуваного правопорушення, але оперує поняттями “активний і пасивний підкуп” різних посадових осіб, членів парламентських зборів, у тому числі й підкуп у приватному секторі, та ін.

Як бачимо, інтерпретації терміна “корупція” в різних правових документах дещо не співпадають. Європейська конвенція трактує його ширше і визнає наявність корупції й у приватному секторі, чого немає в Конвенції ООН і що не характерно для сучасної української правової доктрини.

Наступним ключовим положенням антикорупційних конвенцій є ставлення до суб'єкта корупційного злочину. Ці міжнародно-правові акти суттєво розширюють коло таких суб'єктів порівняно з українським законодавством. Конвенція Ради Європи про кримінальну відповідальність за корупцію пропонує при визначенні деяких понять (“посадова особа”, “публічна посадова особа”, “мер”, “міністр” та “суддя”) спиратися на національне законодавство держави, на території якої зазначена особа виконує надані їй функції (ст. 1). Крім того, суб'єктами відповідальності за корупцію цей документ визнає державних посадовців будь-якої іншої держави, членів іноземних представницьких органів, міжнародних парламентських асамблей, посадових осіб міжнародних організацій, суддів і посадовців міжнародних судів, осіб, які обіймають керівні посади у приватних підприємствах або працюють на них у будь-якій якості.

Конвенція ООН проти транснаціональної організованої злочинності суб'єктами корупції називає: публічних посадових осіб, іноземних публічних посадових осіб або міжнародних цивільних службовців, співучасників учинення будь-якого злочину, визнаного такими в цьому акті.

Конвенція ООН проти корупції (2003 р.) суб'єктами корупції вважає: публічних посадових осіб, іноземних публічних посадових осіб, посадових осіб публічних міжнародних організацій, суддів, працівників судових органів, прокуратури та ін.

Крім більш широкого (порівняно з чинним законодавством України) визначення суб'єктів корупційних правопорушень Конвенція Ради Європи не виключає кримінальної відповідальності за корупційні злочини *юридичних осіб*. Із цього випливає, що суб'єктом корупційних діянь може бути не тільки посадова особа, як це до цього часу було закріплено в українському законодавстві.

Нарешті, ще однією проблемою є законодавча гарантія компенсації жертвам досліджуваного злочину. У Преамбулі Конвенції про корупцію в контексті цивільного права (1999 р.) говориться, що обов'язковим завданням є сприяння боротьбі з цим правопорушенням шляхом надання особам, яким заподіяно шкоду, можливості отримати справедливую компенсацію. Отже, головним призначенням цивільно-правової відповідальності в питаннях боротьби з корупцією є компенсація завданих збитків. Згідно зі ст. 3 цієї Конвенції сторони зобов'язані у своєму внутрішньому законодавстві передбачити для осіб, яким заподіяно шкоду внаслідок корупційних дій, право на порушення судової справи з метою отримання повної компенсації. Відразу ж виникає запитання: якою ж має бути ця компенсація – повною, обмеженою чи кратною? У ст. 3 цього акта зазначається, що така компенсація може охоплювати матеріальні збитки, втрачену вигоду й немайнову шкоду. Отже, передбачається відповідальність повна. Але Конвенцією передбачено й можливість призначення обмеженої компенсації чи навіть відмову в ній: “зменшення чи відмову в компенсації з урахуванням усіх обставин, якщо позивач через його власну помилку сприяв завданню шкоди чи її посиленню” (ст. 6). Що стосується кратної відповідальності, то в зазначеному правовому документі вказівок на неї немає.

Можна звернутися до досвіду боротьби з корупцією в інших країнах. Наприклад, у США закон RICO (“Про організації, які знаходяться під впливом рекету, та корумповані організації”) встановлює: “Будь-яка особа, підприємницькій діяльності чи майну якої було завдано шкоду у зв'язку з порушенням статті, яка передбачає відповідальність за корупцію, може на цій підставі вимагати відшкодування шкоди у будь-якому відповідному окружному суді Сполучених Штатів, та їй слід відшкодувати у трикратному розмірі завдану шкоду, а також витрати за позовом, включаючи винагороду адвокату”. Як бачимо, в Україні є можливість обирати вид відповідальності (повну, обмежену чи кратну) й орієнтуватися, за яких обставин необхідно застосовувати його, для чого необхідно такий вибір закріпити у вітчизняному законодавстві.

Таким чином, можемо дійти наступних висновків:

1. Участь України в міжнародному співробітництві по боротьбі з корупцією передбачає необхідність імплементації норм міжнародних антикорупційних Конвенцій.
2. Окремі норми різних антикорупційних конвенцій (ООН і Ради Європи) остаточно не узгоджені на міжнародному рівні, що може створювати труднощі в процесі імплементації.
3. Імплементація деяких норм міжнародних антикорупційних конвенцій може бути пов'язаною з узгодженням їх з особливостями і традиціями національної правової системи. Неузгодженість українського антикорупційного законодавства з ідеологією й основними нормами антикорупційних конвенцій може мати наслідком неспроможність повноцінного перебування держави в міжнародному співробітництві по боротьбі з корупцією.

Список літератури: 1. *Виноградова О.* Принцип міжнародного співробітництва у боротьбі зі злочинністю // *Право України.* – 1999. – № 4. – С. 90-94. 2. *Візір А.М.* До питання про створення контрольного механізму конвенції ООН проти Корупції: співвідношення глобального та регіональних механізмів // *Вісник Луганського державного університету внутр. справ.* – 2007. – Вип. 1. – Луганськ: Луган. держ. ун-т внутр. справ, 2007. – С. 63-70. 3. *Гребенюк В.М.* Деякі аспекти участі України в Європейській системі захисту прав людини // *Адвокат.* – 1998. – № 1. – С. 28-30. 4. *Дрьоміна Н.А.* Інтернаціональний тероризм і «терористичний інтернаціонал» // *Тероризм і боротьба з ним: Аналіт. розробки пропозицій наук. та практ. працівників През. Укр., Верхов. Ради України, Уряду України, органам викон. влади.* – К., 2000. – Т. 19. – С. 334-338. 5. *Зелинская Н.А.* Политические и общеуголовные преступления в контексте международного права // *Актуал. пробл. держави і права.* – Вип. 18. – Одеса, 2003. – С. 447-451. 6. *Касинюк О.В.* Кримінально-процесуальні питання діяльності міжнародних кримінальних судів: Автореф. ... канд. юрид. наук: 12.00.11 / Нац. юрид. акад. України. – Х., 2005. – 20 с. 7. Конвенція Ради Європи про корупцію в контексті цивільного права від 4 лист. 1999 р. – ETS. – № 174. 8. Конвенція про корупцію у контексті кримінального права від 27 січ. 1999 р. – ETS. – № 173. 9. *Лунев В.В.* Коррупция, ученная и фактическая // *Гос-во и право.* – 1996. – № 8. – С.80-91. 10. *Масвська А.А.* Злочини проти людяності: міжнародно-правовий аспект: Автореф. ... канд. юрид. наук: 12.00.11 / Нац. юрид. акад. України. – Х., 2002. – 19 с. 11. *Міжнародне право: Навч. посіб. / За ред. Буроменського М.В.* – К.: Юрінком Інтер, 2005. – 336 с. 12. Резолюція Генеральної Асамблеї ООН 55/25 ООН від 15 лист. 2000 р. /Doc. UN A/Res. 55/25. – November, 15, 2000.

Надійшла до редакції 08.10.2007 р.

ем правами и их реализацией, которая в каждом отдельном случае подчинена конкретным возможностям данного общества.

Ж. Маритен выделял права разных уровней: 1) права индивида, отвечающие абсолютному требованию естественного закона (фундаментальные права): право на жизнь и личную свободу, право частной собственности, право на стремление к счастью и др. Они являются естественными в строгом смысле слова, ибо коренятся в самой природе человека как свободного и духовного существа; 2) политические права (права гражданина), образующие продолжение права естественного: право народа устанавливать конституцию государства и определять форму правления, право граждан на активное участие в политической жизни, в том числе в выборах, право объединения в политические партии и общественные организации, свобода высказываний и дискуссий, равенство граждан перед законом и судом. Не являясь абсолютными, они в то же время неотъемлемы в обществе, достигшем состояния политической справедливости; 3) социальные права (права трудящихся): право на труд, на создание профсоюзов, на справедливую заработную плату, на социальное обеспечение и другие, обусловленные общим благом.

Ученый не усматривал непреодолимого антагонизма между правами личности, выражением которых является право частной собственности («старыми» правами), и правами социальными («новыми»). Он подчеркивал, что Декларация прав человека «оставляет место, как для «старых», так и для «новых» прав» [7, с. 101].

Говоря о трех типах общественного устройства (либерально-индивидуалистическом, коммунистическом и персоналистическом), он видел их различие в признаваемой ими иерархии ценностей, а следовательно, в трактовке достоинства человека. Защитники либерально-индивидуалистического типа общества усматривают такое достоинство в том, чтобы каждый индивид мог свободно делать то, что он желает. Для сторонников коммунистического типа общества оно состоит в освобождении труда, путем подчинения его экономическому сообществу, и обретении контроля над историей. Наконец, приверженцы общества персоналистического типа, к которым относил себя Ж. Маритен, утверждают, что человеческое достоинство заключается в обретении подлинно человеческих, моральных и духовных благ, свободы и автономии индивида [7, с. 102].

В духе обоснования нового права, которое учитывало бы индивидуальность каждого человека, разрабатывались экзистенциалистские концепции естественного права, которое рассматривалось как право экзистенции – подлинного человеческого существования. Основную свою задачу представители этого направления (В. Майхофер, Э. Фехнер, Г. Кон) видели в ориентации индивидов, законодателей и правоприменителей на принятие экзистенциально правильных решений в конкретной правовой ситуации. Экзистенциальное право они противопоставляли позитивному с его механическими, мертвыми нормами. Правовой экзистенциализм оказал влияние на демократизацию законодательства и судебной практики в послевоенной Германии.

С принятием Всеобщей декларации прав человека, других документов ООН и международных пактов о правах человека была создана эффективная система международных норм для их защиты. Естественно-правовая теория, решив одну из своих основных задач – позитивно-правового закрепления прав человека, практически подтвердила свою теоретическую значимость, но при этом не исчерпала собственных возможностей и не утратила значения в правоведении.

Наиболее известными теоретиками новейшего этапа развития теории естественного права являются Л. Фуллер, Р. Дворкин, Дж. Финнис. Началом этого этапа можно считать спор между Г. Хартом и Л. Фуллером развернувшийся в конце 50-х годов на страницах Гарвардского юридического вестника (“Harvard Law Review”). Если профессор Оксфордского университета (Великобритания) Г. Харт определил позицию позитивизма как концептуальное разграничение права и морали, то профессор Гарвардского университета (США) Л. Фуллер определил кредо концепций естественного права как их концептуальное соединение, как идею необходимой связи между правом и моралью.

Л. Фуллер в своих основных трудах «Моральность права» (1964 г.) и «Анатомия права» (1968 г.) говорит о внутренней и внешней морали права. Под внутренней моралью права он подразумевал восемь принципов создания и применения юридических норм. Соблюдение этих принципов делает право возможным, а несоблюдение хотя бы одного из них – аморальным, а потому свидетельствует об отсутствии правовой системы как таковой. Выражая специфические требования справедливости, они утверждают, что правовые правила должны быть: (а) общими; (б) опубликованными; (в) предсказуемыми (неретроспективными); (г) понятными; (д) не содержащими противоречий; (е) выполнимыми; (ж) постоянными; (з) правоприменительная практика должна соответствовать правилам поведения [8, с. 45-93]. Отклонение от принципов внутренней моральности права представляет собой оскорбление достоинства человека как ответственного деятеля. Свою интерпретацию естественного права философ называл процедурным, понимая под ним то, что позволяет сконструировать систему правил для подчинения человеческого поведения и управления им. Однако его концепция не накладывает никаких ограничений на содержание юридических правил, которые могут быть и несправедливыми.

Под внешней моральностью правил Л. Фуллер понимал принимаемые обществом нравственные принципы, лежащие в основе правовых институтов и обеспечивающие их функционирование. Внутренняя и внешняя моральность взаимосвязаны. Аморальная правовая система не может существовать долго, ибо не будет иметь поддержки общества.

Наиболее известным из современных сторонников естественного права является профессор Оксфордского и Нью-Йоркского университетов Р. Дворкин. В своих трудах «О правах всерьез» (1977 г.) и «Империя права» (1986 г.) он настаивает на возможности и необходимости дать моральное обоснование права. При этом этот процесс значительно облегчается тем, что позитивное право неизбежно ассимилирует, концентрирует в себе моральное содержание.

Ученый разграничивает понятия «правила» и «принципы»: правила – это конкретные нормы, принципы содержат в себе всеобщие правовые положения – человеческое достоинство, справедливость, равенство, которые и есть нормы честности и справедливости. И принципы и правила связаны с целями, однако между ними имеются существенные различия. Правила условны, ибо содержат компонент «если»; они подразумевают «все или ничего». Конфликт между правилами означает необходимость исключения или отмены одного из конкурирующих правил. В случае конфликта принципов один из них выступает на первый план, но другой вовсе не утрачивает своего значения.

По мнению Р. Дворкина, позитивное право (правовая система) образует единство правил и принципов. В трудных случаях судьи выходят за рамки правил и взвешивают ценности (принципы). Они не законодательствуют, а принимают решения, основанные на точном «взвешивании» относящихся к делу принципов (судья ограничен в своем выборе). Концепция Р. Дворкина является естественно-правовой, поскольку утверждает существеннейшим моментом права апелляцию к принципам, т.е. моральным нормам. Согласно модели принципов судья требует защитить *право*, которое имеет. Он пишет: «Индивидуальные права – это политические козыри в руках индивидуумов. Индивиды имеют права тогда, когда по некото-

рым причинам коллективная цель – недостаточное основание для причинения им некоего вреда или ущерба» [2, с. 12, 13]. Задача суда – искать ответ на вопрос: кто имеет право выиграть процесс; этим судьи отличаются от законодателей, которые могут мотивировать свои решения идеей общего блага. Их целостное обоснование достигается благодаря дискурсивному обсуждению права, в котором участвуют и граждане государства, и лица, непосредственно занятые исполнением и трактовкой законов. Каждый судья способен и по роду занятий должен включиться в общий правовой дискурс и восходить от конкретного дела-случая к идеально значимому решению. Философ права апеллирует к некоему идеальному субъекту, «судье-Геркулесу», который якобы знает все принципы и целеполагания, необходимые для оправдания оптимального решения и одновременно разбирается во всех хитросплетениях существующих законов.

Р. Дворкин ввел понятие «интегральность», утверждая, что сообщество реально интегрирует своих членов там и тогда, когда реально признает их свободными и равными друг другу. Иными словами, существование правового государства уже в себе самом содержит доказательство цельности сферы права как особой «империи права» [12].

Концепция Дж. Финниса, профессора права и правовой философии Оксфордского университета (Великобритания), является развитием традиции классического естественного права, идущей от Фомы Аквинского. В работе «Естественное право и естественные права» (1980 г.) он выделяет 7 фундаментальных объективных ценностей (базовых благ), необходимых для надлежащей жизни *каждого* человека независимо от его взглядов и принадлежности к той или иной культуре. Это жизнь, знание, игра, эстетические переживания, общение (дружба), практическая рассудительность и религия (понимаемая ученым как «вопросы о происхождении космического порядка и человеческой свободы и разума» [13, р. 168]). Все остальные представляют реализацию этих семи ценностей.

Поскольку ценности могут быть реализованы только в обществе, для координации общего стремления к базовым благам возникает необходимость в праве как совокупности подкрепленных силой власти правил. Определяя естественное право как «набор принципов практического разума для упорядочивания человеческой жизни и человеческого сообщества» [13, р. 122], Дж. Финнис подчеркивает, что конкретные законы должны выводиться из «естественного права», или «законов разума». Практический разум требует уважать фундаментальные ценности в каждом действии. Так, закон, запрещающий убийство, основан на требовании практического разума уважать фундаментальную ценность человеческой жизни.

Ученый различает фокальное (или центральное) значение права (право как подкрепленное властью упорядочивание общества, направленное на реализацию общего блага) и периферийное (когда отсутствуют одна или несколько из этих составляющих, например, санкции, судебные учреждения, направленность на общее благо и т. п.). Несправедливые законы, по Дж. Финнису, это все-таки законы, имеющие юридическую силу. Но они не полностью проявляют свою природу и не налагают полноценных обязанностей на граждан. Решения правителя, не направленные на общее благо, подрывают нравственные устои его власти и не обеспечивают моральных оснований для подчинения им.

Существуют и другие современные концепции естественного права, например, основанные на метафизическом реализме (М. Мур), на стремлении найти нормативный порядок внутри природы (Л. Вейнреб), на теории аргументации (Р. Алекси, М. Атиенза).

Профессор Иллинойского университета (США) М. Мур, опираясь на платонистский (метафизически-реалистический) подход к языку, морали и праву, считает, что все описательные термины (птица, дерево), юридические термины (преступное намерение, юридически действительный договор) и моральные представления (надлежащая правовая процедура, одинаковое отношение) имеют значение, определенное тем, как существует мир, а не нашими изменчивыми и часто обманчивыми представлениями. М. Мур утверждает, что такой подход к метафизике (и языку) оказывает разнообразное влияние на способы должного толкования конституции и законов, а также на анализ проблем общего права и прецедента [14].

Л. Вейнреб в работе «Естественное право и справедливость» (1987 г.) подчеркивает, что работы античных теоретиков и Фомы Аквинского были посвящены (каждая по-своему) проблеме пояснения возможности моральной свободы человека в мире, что в целом оказывается детерминированным судьбой или фортуной (в античном мышлении) или божественным провидением (по мысли ранней церкви). По его утверждению, такие авторы, как Дж. Финнис и Л. Фуллер, не замечают главного в теории естественного права, когда стремятся дистанцировать свои утверждения от предыдущих аргументов о нормативном природном состоянии, что означает сосредоточенность на проблеме онтологии морали и права [15].

Профессор Университета Христиана Альбрехта (г. Киль, Германия) Р. Алекси исходит из очевидного для него факта, что для права необходимыми являются два свойства – принуждение (или сила), с одной стороны, и правильность (или справедливость) – с другой. При этом «первое относится к основному элементу социальной эффективности права, второе выражает его идеальное, или критическое, измерение» [1, с. 23]. Потребность в принуждении базируется на практической необходимости, на определенном соотношении цели и средств, т.е. имеет телеологический характер. Необходимость требования правильности, исходя из структуры юридических действий и юридического рассуждения, имеет деонтологический характер [1, с. 24], следовательно, связана с глубинной сущностью права.

Основные идеи своей недавно опубликованной работы «Право как аргументация» (2006 г.) профессор Университета Аликонте (Испания) М. Атиенза изложил в дебатах на 23 Всемирном конгрессе по философии права (Краков, Польша, 2007 г.) с представителем юридического позитивизма Е. Булыгиным (Университет Буэнос-Айреса, Аргентина). Он не соглашается с характерным для правового позитивизма сосредоточением только на формально-логической аргументации и исключением из сферы права морально-этической аргументации, т.е. с рассмотрением права «только как системы, но не как (также и) социальной практики» [11, с. 242]. По его мнению, как «часть социальной практики», теория права должна включать в себя 3 основные традиции – позитивистскую, естественно-правовую и критическую. Это позволило бы теории права не только быть инструментом «чистого разума», лишенным связи с реальными социально-правовыми процессами, но и играть роль в конституционно-правовых дебатах, в понимании и объяснении процессов правоприменения, их законодательной корректировке.

Таким образом, все современные концепции естественного права объединяет признание того, что главная цель права состоит в утверждении справедливости, а также убеждение в том, что традиция естественного права, обращая внимание не только на институциональный, но и на идеальный компонент права, обеспечивает более полную, а следовательно, и более глубокую его теорию. В целом же можно сказать, что для них характерно не столько разработка общей философско-этической теории и ее приложение к праву и политике, сколько сосредоточенность на проблеме природы самого права.

Список литературы: 1. *Алекси Р.* Природа философии права: Пер. с англ. // Пробл. філософії права. – Т. II. – Київ-Чернівці: Рута, 2004. – С. 19-26. 2. *Дворкін Р.* Серйозний погляд на права: Пер. з англ. – К.: Основи, 2000. – 519 с. 3. *Костенко О.М.* Основне питання правознавства з позиції соціального натуралізму // Пробл. філософії права. – Т. I. – Київ-Чернівці: Рута, 2003. – С. 72-78. 4. *Максимов С.* Природно-правове мислення // Вісн. Акад. прав. наук України. – 2001. – №4 (27). – С. 155-164. 5. *Максимов С.И.* Философско-правовая концепция К.-О. Апеля и Ю. Хабермаса // Пробл. законності: Респ. міжвідом. наук. зб. / Відп. ред. В. Я. Тацій. – Х.: Нац. юрид. акад. України, 2002. – Вип. 55. – С. 145-153. 6. *Максимов С.И.* Экзистенциально-феноменологическая концепция права // Проблемы законності: Респ. міжвідом. наук. зб. / Відп. ред. В. Я. Тацій. – Харків: Нац. юрид. акад. України, 2003. – Вип. 62. – С. 143-150. 7. *Маритен Ж.* Человек и государство: Пер. с англ. – М.: Идея-Пресс, 2000. – 196 с. 8. *Фуллер Л.* Мораль права: Пер. з англ. – К.: Сфера, 1999. – 232 с. 9. *Штаммлер Р.* Хозяйство и право с точки зрения материалистического понимания истории. – Т. I. – СПб.: Книгоиздательство «Начало», 1907. – 408 с. 10. *Штаммлер Р.* Сущность и задачи правоведения. – М.: Типография тов-ва И. Д. Сытина, 1908. – 144 с. 11. *Atienza M.* Is Legal Positivism a Sustainable Legal Theory? // Law and Legal Cultures in the 21st Century: Diversity and Unity. Warsaw: Oficyna, 2007. – С. 229-245. 12. *Dworkin R.* Law's Empire. – L.: Fontana Press, 1986. – XIII, 470 p. 13. *Finnis J.* Natural Law and Natural Rights. – Oxford: Clarendon Press, 1980. – XV, 425 p. 14. *Moore M.* Excepts From Legal Reality: A Naturalist Approach to Legal Ontology // Associations. Journal for Legal and Social Theory. Volume 7. – 2003. – Number 1. – P. 145-158. 15. *Weinreb L.* Natural Law and Justice. – Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1987. – XII, 395 p.

Надійшла до редакції 20.11.2007 р.